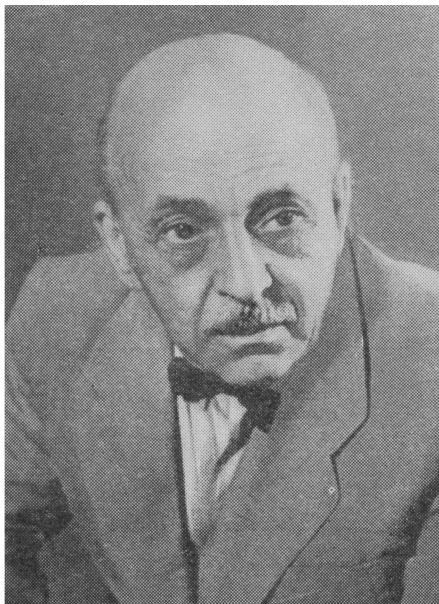

БИБЛИОТЕКА

№ 12

1966

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 12

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1966

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Павел Григорьевич Антокольский родился в 1896 году. В 1915 году, будучи студентом Московского университета, вошел в группу любителей-актеров, работавших под руководством Е. Б. Вахтангова. Это была студия, из которой впоследствии вырос Театр имени Евг. Вахтангова.

Первая книга стихов П. Антокольского вышла в 1922 году, следом за нею — сборник «Запад», поэмы «Робеспьер и Горгона», «Коммуна 1871 года» и «Франсуа Вийон».

Уйдя в 1934 году из театра, Антокольский вел творческий семинар в Литературном институте имени А. М. Горького. Основными произведениями этих лет были поэма «Кощей», книги стихов «Большие расстояния» и «Пушкинский год».

В годы Отечественной войны Антокольский руководил группой фронтового театра и работал военным корреспондентом.

В июле 1942 года смертью храбрых пал единственный сын поэта, младший лейтенант Владимир Павлович Антокольский. Его памяти посвящена поэма «Сын», впоследствии удостоенная Государственной премии.

Основными произведениями Антокольского за послевоенные годы являются поэма «Коммунистический Манифест» (1948), поэма «В переулке за Арбатом» (1953), книги стихов «Мастерская» (1958), «Высокое напряжение» (1962), «Четвертое измерение» (1964), книги статей «Поэты и время» (1955), «О Пушкине» (1960), «Пути поэтов» (1965), книга очерков «Сила Вьетнама» (1959).

П. Антокольский награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

ВРЕМЯ ГОВОРИТ

Сказка или правда, все равно.
Началась она давным-давно,
С той поры, как взрослым детство снится,
С той поры, как первая денница
В окнах человечества зажглась.
В тот же миг внимание детских глаз
Стало пониманьем человеческим.
Это Я в грядущее гряду,
И оно становится прошедшим.
Это Я само себя пряду.
Кто Я? Пряжа, Прялка, или Пряха, —
По своей дороге Я веду
Всех, кто дышит, даже вертопраха.

Да и ты не пожалел затрат,
Скорость света возводил в квадрат,
Умножал на массу, вел погоню
По следам сгоревших космогоний,
Видел на поверхности планет
Города, которых больше нет,
Различил в картине микромира
Бег частиц и колебанья волн.
Это Я, твой Кормчий и Кормило,
Сквозь тебя стремило утлый челн!
Я люблю веселый беспорядок,
Я пляшу, когда твой разум полн
Молниями формул и догадок!

Что же, старой дружбе вопреки.
Времени ты не подашь руки?
Или стал настолько опрометчив,
Что упал, коленки искалечив,
И забыл свой юношеский жест
Пред лицом карающих божеств?

Отвечай им вызовом открытым!
Чище, легче, проще мастерство,
Веселей и взвинченнее ритм,
И в дорогу! Только и всего!
Вплоть до рубежей воображенья,
До исчезновенья твоего!

(В следующей жизни — продолженье).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ГОВОРЯТ

Что ты нам сказало?
Что нам приказало?
Зачем в темноту театрального зала
Ты, время, ударило прожекторами?
Мы сами участвуем в собственной драме.
Мы сами ее начинаем,
Но завтра
Не кончим,—
Пушай готовится автор!

Молчишь?
Ты достаточно долго молчало.
Куда же ты мчишь?
Начинайся сначала!
Все прошлые дни и года возврати нам.
Довольно ты числишься необратимым,
Ломаешь чертоги,
Едва возведешь их,
Стираешь итоги,
Едва подведешь их!

Нам мало одной только жизни прекрасной,
Опасной и страстной,
Хотя и напрасной!
Нам мало, что собственной жизненной жаждой
Посмертно реабилитирован каждый!
Нам мало,
Что ты черепа нам ломало
И вновь поднимало!
Нам этого мало!

Зажги нам глаза миллионами молний,
И клетки грудные озоном наполни,
И в ноздри ударь резедой и левкоем!
Одним только не награждай нас — покоем,
Но всей невесомой твоей каруселью
Верни нашу молодость на новоселье!

Так будет —
О, только бы часа дожждаться!
Так будет —
Иначе не стоит рождаться!
Так будет,
И это пребудет вовеки
Биением пульса в любом человеке.
Он старую тяжбу со смертью рассудит
И мертвых разбудит.

ВРЕМЯ:
Так будет. Т а к б у д е т.

ИСПОВЕДЬ

Я ныне исповедуюсь впервые
Пред вами, мастера-мастеровые.
Так это и должно быть, и могло быть
Гораздо раньше, если бы не робость.

Забыл, чем был, не разгадал, чем буду,
Не слишком верю в каменного Будду
С бессмысленно-двусмысленной улыбкой,
Но был и буду парусом и скрипкой,

И вольтажом любого напряженья,
И дальним рубежом воображенья,
И выбираю будущее в груди
Еще никем не созданных орудий.

Ты, Время, измереньем будь четвертым,
Или припиской в договоре с чертом,
Или костром на богатырской тризне,
Чем хочешь, лишь бы продолженьем жизни!

Пускай мой дух, мой зрячий астероид,
Чертеж следа горящего построит
И срок труда творящего утроит!

.
Все остальное медяка не стоит.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТЕРЕОРАМА

Низко кружится воронье.
Оголтелье псы томятся.
Лишь коты во здравье свое
Магнетизмом тайным дымятся.
Ощутили они в шерсти
Слабый треск и сухое жженье.
Постепенно должен расти
Ток высокого напряженья.

Ставит геодезист редут,
Раздвигает свою треногу.
На ходулях столбы бредут,
В лес вторгаются понемногу.
Лес велик. Он растянут вплоть
До пределов воображенья.
Должен ткань его пропороть
Ток высокого напряженья.

Вот высокий вольтаж гудит.
Там, где птахи в листьях ласкались,
На прохожих будка глядит,
Некрасивым черепом скалясь.
И когда чернокожий Том
Поцелует белую Дженни,
Полосует его кнутом
Ток высокого напряженья.

Но над веком плывет массив
Грозовых бойниц и хоромин.
Он, как юный демон, красив,
Как древнейший мамонт, огромен.
Так накапливает гроза
В медных чанах своих брожение.
Человечеству бьет в глаза
Ток высокого напряженья.

Наконец-то! О, разряди
Ради наших злаков растущих
Все, что есть у тебя в груди,
Все, что золотом пышет в тучах!
Словно в зеркале, в нас самих
Разгляди свое отраженье!
Расщедришь на короткий миг,
Ток высокого напряженья!

Ты стоишь под грозой внизу,
Как бездомный король Шекспира,
Приглашаешь на пир грозу,
Поминаешь ушедших с пира.
Всем, художник, ты овладел
И всему найдешь выраженье.
Но дождись!
Есть иной предел
У высокого напряженья.

Если ты в грозовой разряд
Невпопад и зря угораздил.
Тебя молнии разразят,
Но какой же ты к черту мастер!
Ты не кончишь картин и книг
И не выиграешь сраженья.
Вот включает твой ученик
Ток высокого напряженья.

ФИЗИК

Он шел средь мрака неохватного
Вслед за звездой падучей,
Сквозь неопределенность квантовой
Механики грядущей.

Когда же следующий занавес
Внезапно был распахнут,
Он взял иной предел и заново
Смешал фигурки шахмат.

Не оступился в этой осыпи,
Не сбился, тайну тронув,
Добился правды каждой особи
В миллиардах электронов.

Так наступила встреча Фауста
С красавицей Еленой.
Так проступило вдруг из хаоса
Лицо живой вселенной.

Она уклончива, обманчива
И яростно правдива.
Но он портрета не заканчивал,
Он знал: исчезнет диво!

И снова первозданным ропотом
Наполнил мирозданье.
И — пропади работа пропадом! —
Не ждал переиздания.

И эта сварка автогенная
Звезды и человека
Была короткой жизнью гения,
Короче полувека.

НЬЮТОН

Гроза прошла. Пылали георгины
Под семицветной радужной дугой.
Он вышел в сад и в мокрых комьях глины
То яблоко пошевелил ногой.

В его глазах, как некое виденье,
Не падал, но пылал и плыл ранет,
И только траектория паденья
Вычерчивалась ярче всех планет.

Так вот она, разгадка! Вот что значит
Предвечная механика светил!
Так первый день творения был начат.
И он звезду летящую схватил.

И в ту же ночь, когда все в мире спало
И стихли голоса церквей и школ,
Не яблоко, а формула упала
С ветвей вселенной на рабочий стол.

Да! Так он и доложит, не заботясь
О предрассудках каменных голов.
Он не допустит сказок и гипотез,
Все кривды жерновами размолот.

И день пришел. Латынь его сухая
О гравитации небесных тел
Раскатывалась, грубо громыхая.
Он людям досказал все, что хотел.

И высоченный лоб и губы вытер
Тяжеловесной космой парика.
Меж тем на кафедру взошел пресвитер
И начал речь как бы издалека —

О всеблагом зиждителе вселенной,
Чей замысел нам испокон отверст.
Столетний, серый, лысый, как колено,
Он в Ньютона оставил длинный перст.

И вдруг, осклабясь сморщенным и дряблым
Лицом скопца, участливо спросил:
— Итак, плоды осенних ваших яблонь
Суть беглые рабы магнитных сил?

Но, боже милосердный, что за ветер
Умчал вас дальше межпланетных сфер?
— Я д у м а л,— Ньютон коротко ответил.—
Я к этому привык. Я думал, сэр.

В МОЕЙ КОМНАТЕ

В моей комнате, краской и лаком блестя,
Школьный глобус гостит, как чужое дитя.
Он стоит, на косую насаженный ось,
И летит сквозь пространство и время и сквозь
Неоглядную даль, непроглядную тьму.
Почему я смотрю на него, не пойму.
Школьный глобус — нехитрая, кажется, вещь,
Почему же он так одинок и зловец?
Чтобы это понять, я широко раскрыл
Мои окна, как шесть серафических крыл.

Еще сини моря, и пустыни желты,
И коричневых гор различимы хребты.
Различима еще и сверкает огнем
Вся Европа, бессонная ночью, как днем,
Вся вмещенная в миг, воплощенная в миф,
Красотою своей мудрецов истомив,
Финикийская девочка дышит пока
И целует могучую морду быка,
Средиземным седым омываемая,
Обожаемая, не чужая, моя!

Школьный глобус! Он школьным пособием был,
Но прямое свое назначение забыл
И завыл, зарыдал на короткой волне,
Телеграфным столбом загудел в вышине:
— Люди! Два с половиной миллиарда людей,
Самый добрый чудак, самый черный злодей,
Рудокопы, министры, ткачи, скрипачи,
Гончары, космонавты, поэты, врачи,
Повелители волн, властелины огня,
Мастера скоростей, пощадите меня!

ДВЕ РЕПЛИКИ В СПОРЕ

1

Я Машина. Та Самая...
Та, что осмелится сметь,
Твоих завтрашних замыслов
Воображаемый оттиск.
Дай мне фосфор и синтез белка,
И одень меня в медь,
И на пир пригласи,
Как смелейшую в сонме гипотез.

Помоги мне родиться
И жить, как хочу, разреши,
Влей горючее в хобот,
А в череп — свой собственный опыт,
Дай в придачу безделицу
Вроде бессмертной души
Или веру внуши,
Что я сверхчеловек, а не робот.

Как праща твоих пращуров
Камни швыряла в орду
Переопчатокрылых чудовищ,
Коленчатых чудищ,—
На любую добычу
И я наугад набреду.
Ты за шквальный огонь, за кинжальный прицел
Не осудишь

Ну, а там — поглядим, кто кого!
Разгуляемся там!
На просторы истории
Вырвемся дюжей оравой!
Ну а там,
По горячим следам, по горящим мостам —
Кругом арррш! Развернуться поротно!
Равнение направо!

Это присказка в сказке.
А сказки, пожалуй, и нет
Ни в колонках ступенчатых формул,
Ни в точной цифири,
Ни у солнечных пятен,
Ни в лунных пейзажах планет,
Ни в лучах радиации,
Льющихся в мертвом эфире.

Я доделаю дело!
Куда и откуда ни глянь,—
Программирован мир.
Неприглядны для свежего глаза
Многовольтные заросли,
Проволочный гаолян,
Хлопья черного дыма
И выхлопы желтого газа.

2

Я Невежда. Тот Самый,
Который вам стоит хлопот,
Но не стоит потраченных
На обучение денег.
Я Наивный Дикарь
И поэтому ваш антипод,
Антивирус, противопоказанный
Вам, Академик!

Вы забыли меня.
Я Собака, зарытая здесь,
В самом сердце проблемы.
Я Сердце, стучащее в ребрах.
Вы забыли о том,
Сколько было на свете чудес,
Сколько сказок немыслимо злых
И невиданно добрых.

Это я! Это я создавал
Для Любимой моей
Всех драконов и демонов
Раньше, чем создал науки.
Это я на расселинах скал
И на волнах морей
Рисовал ее звездные очи
И смуглые руки.

Это я одевал ее в бронзу
И в легкий виссон
И ей под ноги кинул
Сокровища целой вселенной.
И когда она в юности
Мне усмехнулась сквозь сон,
Я помчался на всех парусах
За спартанской Еленой.

Вот она — эта Женщина!
Выдумка? Может быть... Но,
Не раскрыта в анализе,
Не сведена к логарифму,
Она тклет мою вечность,
И вертится веретено.
И внезапные молнии
Ей откликаются в рифму.

От лица этих молний,
От имени этой грозы,
Представитель всех пар человеческих,
Слившихся в танце,—
Я обязан напомнить
Забытые вами азы,
Не ссылаясь на классиков,
Не соблюдая дистанций.

Продолжается век,
И другой приближается век.
По кремнистым ступеням
Взбираясь к опасным вершинам,
Никогда, никогда, никогда
Не отдаст человек
Своего превосходства
Умнейшим на свете машинам.

Точка. Слова из песни не выкинешь,
Как говорят.
Истекает регламент.
Ученый кончается диспут.
Ну, а там поглядим, кто кого:
Электронный снаряд
Или ваш оппонент,
Без оружия идущий на приступ!

ПИКАССО

БАЛЛАДА ВРЕМЕНИ

Это было в начале века,
Меж Парижем и Барселоной —
Ранний час, короткая вежа,
Неизвестный пункт населенный.
Зашагал он прямо с вокзала
Мимо старых церквей и башен,
Словно Время так приказало:
— Будь беспечен и беспшабашен,
Никуда не спеши. Все будет,
Если ты по-прежнему зорок.
А меня с тобою рассудит
Кто угодно лет через сорок!

Ненароком голову вскинув,
Он увидел на шумном рынке
Двух оборванных арлекинов,
Кувыркавшихся по старинке.
Старший был мускулист, громоздок,
Отличался хваткой бульдожьей.
Младший выглядел как подросток,
Красотой не блистал он тоже.

Но они работали храбро,
Детвору смешили на диво.
Подошел к ним художник Пабло
И промолвил весьма учтиво:
— Добрый день, господа артисты!
Может быть, такое свиданье
Нам подстроил и впрямь Нечистый
В голубом раю мирозданья!
Вам бы раньше на свет родиться,
Не житье сейчас арлекинам.
Впрочем, ради славных традиций
По стаканчику опрокинем?..

Вот расселись трое в харчевне,
Херес cedят, сигары курят,
Об актерской доле плачевной,
О политике балагурят.
А кругом веселье и гибель,
Дым очажный в тесных жилищах,
В сотнях обликов, кто бы ни был,
Голубиная кротость нищих.
Это жизнь во всем неохватном,
Бестолковом ее прибое.
Надо смело вместить на ватман
Грязных брызгов лицо рябое.
Надо сделать лицо любое
Ломким мелом иль хрупким углем,
Чтоб оно, насквозь голубое,
Запылало сумраком смуглым.

Тут подсела к столу девчонка.
У нее глаза масленисты,
Под гребенку стрижена челка,
На ключицах бренчат мониста.
Говорит нахалка без грусти:
— Кавалеры, привет и здрасте!
Отвечайте, только не трусьте,
Подхожу ли я вам по страсти?
Отвечает художник глухо:
— Не подходишь. Не по карману.
Мы бедны — ты знатная шлюха,
Слишком тратишься на румяна,
Да и с виду весьма шикарна.
Топай, миленькая, отсюда!

Но кричит она:— На пол шваркну
Вашу выпивку и посуду!
Чтобы вам не пилоь, не елось.
Не жилоь на свете, бандюги!
— Ишь какая! Хвалю за смелость,—
Знать, недаром росла на юге.
Жаль, что морда от слез распухла,
Не разжалобишь так мужчину.
Успокойся, чертова кукла.
Озорство тебе не по чину,
А истерика не по рангу.
Не срами ты публичных сборищ...

Вторглоь Время в их перебранку:
— Что ты с бедной девчонкой споришь?
Спорь со мной, девятьсот четвертым,
Не последним лихим и лютым,
С самим господом, с самим чертом
Иль с любым другим абсолютом.
А не то молчи, если хитрый
И боишьь моей острастки,
И черны для твоей палитры
Моего ликованья краски.
Береги и запри их в ящик,
Чтоб не вышли из-под контроля
И в жилищах, прочно стоящих,
Потолков бы не пропороли,
Не сломали поющих скрипок,
Не будили бурь в океане...

Погляди, как стан ее гибок,
Не найдешь другой окаянной.
Береги ее, подари ей
За три су колечко из меди,
Назови ее хоть Марией
В самой вечной из всех комедий.

Я лечу над тобой, сгорая
Жарко пышущими крылами.
Вот он весь, от края до края,
Мой закат, превратился в пламя.
Моя ночь над землей Европы
Дождается третьей стражи,
Сумасшествия высшей пробы,
Мертвых петель в крутом вираже.

Я лечу над тобой, художник.
Как шумят мои крылья, слышишь?
В день тревожнейший из тревожных
Ты мой шум на холсте напишешь.
Ты узнаешь в раскатах шторма,
В кораблекрушениях и в битвах,
Как трехмерная рухнет форма
Для сердец, на куски разбитых.

Нет пощады и нет покоя
Тем, кто песню мою услышал.
Понимаешь, время какое,
На какую работу вышел?
Не робей! Нам обоим надо
Видеть дальше всех телескопов.
Будет в Гернике канонада.
Встанут мертвые из окопов.
Встанут рядом ярость и жалость.

Но любое на свете хрупко...
О, как робко к тебе прижалась
Некрасивая та голубка!
Как далек полет голубиный,
Как бесцелен он и бесплотен.

Но раскрыты настужь глубины
Не рожденных тобой полотен.

Не робей, силач коренастый!
Впереди крутая дорога.
Твоей жизни хватит лет на сто,
А бессмертью не надо срока.

АДРИАТИКА В ТУМАНЕ

Пробудись! В такую рань,
Прошлых дней смыкая дуги,
Бешеные виадуки
Кружат горную спираль.

И оттуда, с тех высот,
Словно сказочные духи,
Мчат на выручку гайдуки,
Опоздав лет на пятьсот.

Но не надобно чудес,
Лишь одно уважь дерзанье,—
Расскажи о партизане,
За свободу павшем здесь.

Кем он был? Поддай мне знак
Воркованьем твоих горлиц,—
Серб, хорват иль черногорец
Тот неведомый юнак?

Легким парусом кренясь,
Адриатика в тумане
Отвечает, вся вниманье
К жизни каждого из нас:

— Нет пощады молодым
В молниях военной ночи.
С той поры мне застит очи
Не туман, а черный дым.

Отвечает ветровой
Дикий голос бессловесный:
— Его имя неизвестно,
Заросло оно травой.

Отвечает гребень скал:
— Я над прахом крест воздвигнул,
Тайну времени постигнул,
Но напрасно я искал,

Чьей рукой озеленен
Бедный холмик, дом солдата.
Стерлось имя, стерлась дата.
Только алый цвет знамен,

Только алой крови цвет
Остается в жизни вечной.
...Только этот человеческий
Прозвучал в горах ответ.

ГАВРИЛО ПРИНЦИП

Кем был он, этот школьник странный,
Вдруг повзрослевший и так рано
Проснувшийся? Как был он стар,
Когда ступил на тротуар
И ошалел в базарном гаме
И неуклюжими ногами
Уперся насмерть в шар земной
И приказал ему: — За мной!
А шар меж тем вращался мерно,
Подставив солнцу жаркий бок.
Но гимназист высокомерный
Встал на посту, как полубог.

Он будущее из-под парты
Без содроганья рассмотрел.
Он видел, как штабные карты
Покрылись клинописью стрел.
И вот на крохотном плацдарме,
На плитах той же мостовой
Машины миллионных армий
Расположили лагерь свой.
И Сербия заполыхала,
И дымных крыльев опахало
Над ней качнулось, а внизу
Любой кузнец ковал грозу.

Сам школьник ничего не значил,
Но весь напрягся, зубы сжав,
И жалким револьвером начал
Сражение мировых держав.
И тень мальчишеского торса
Росла вполне над стеной,
Когда он в будущее вторгся
И приказал ему: — За мной!

Секунды гибли в беглой пляске.
Вот он слышал стук коляски.
Тяжелый звон восьми копыт
В сердцебиение был вбит.

Коляска между тем взлетела
На мост. И, взятый на прицел,
Сам приподнял с подушек тело
Австрийский рослый офицер.

Его жена сидела рядом
В пернатой шляпе и слегла
Косила осторожным взглядом
На церкви и на облака.

Внезапно чей-то тощий облик,
Парадной встрече вопреки,
Как задранные вверх оглобли,
Две длинных вытянул руки.
Всадил он раз-две-три-четыре-
Пять пуль в эрцгерцога и в ту
Вторую куклу в том же тире,
На том же каменном мосту.

В обойме у него осталась
Шестая пуля для виска.
Но что же это? Сон, усталость,
Восторг, удача иль тоска?

Стоял убийца как свидетель
Событья уличного. Он
Своей судьбы и не заметил,
Чужою кровью ослеплен.
И в блеске этой крови скудной,
В осколках битого стекла,
В разверстости полусекундной
Пред ним вся юность протекла.

Его схватили, смяли, сбили
И вбили в черный грунт земли,
Сигнал тревожный протрубили,
В карете черной увезли,
Во имя призрака и трупа
Судили спешно, смутно, тупо,
Засунув в каменный мешок,
До казни стерли в порошок.

Не подчиненный их решению,
Ребенок, а не человек,
Он пульей был, а не мишенью.
...Так начался двадцатый век.

У ДИОКЛЕТИАНА

Я подружился с Диоклетианом,
Когда неукротимый этот старец
Простил своим врагам и христианам
И, в странное чудачество ударясь,
Сажал салат на тучных огородах
В Далмации у золотого берега,
Всему предпочитал беспечный отдых
И общество раба, софиста-грека,
Нечесаного, в порванной тунике...

Усталый цезарь гас мало-помалу.

Я помню изваянье мощной Ники,
Что два крыла недвижных поднимала
Над гаванью. Теснились к ней фелюги,
Галеры и рыбацкие корыта,
И женщины, как водится на юге,
Раскачивали бедрами открыто.
А дальше голубела соль морская,
Купель Перуна, колыбель Зевеса
Вне времени, и зыбилась, сверкая,
Лишенная объемности и веса.

Однажды раздраженный цезарь выгнал
Софиста-грека и свою флейтистку,
Позвал меня, и бычьей выю выгнул,
И мне в издевку поклонился низко,
И говорит:

— О чем ты, варвар, тужишь,
Чему ты служишь в рубище убогом?
Смотри! Я дрогну от летейской стужи,
Хотя и слыл недавно полубогом.
Я слишком стар. Все миновалось. Баста!
Вставай же, варвар, римлянам наследуй,
Казни рабов, и золото грабастай,
И забавляйся на пирах беседой.

Смущаешься? Ты, видно, не любитель
Ни шуток, ни признаний откровенных?
Прости! Я не тебя, глупец, обидел,
А кровь свою, что леденеет в венах.
Что ж, пей фалерно и побалагурим
О христианском догмате прощенья!

Простим громам, и молниям, и бурям!
Я умираю, друг, от отвращения.
Вот я возьму три пальца в рот и свистну —
Погаснет солнце, кончится вращенье
Небесных сфер. Мне солнце ненавистно.
Я умираю, друг, от отвращения.

Он свистнул, и вошла с лицом голубки
Рабыня босоногая, и тотчас
Вино запенилось в янтарном кубке.
И он, зажмурясь и сосредоточась,
Все выпил залпом, как велит обычай,
И скорчился, и на пол рухнул тут же.
И женщина, склонясь над тушей бычьей,
Рыдала, словно о младенце тужит.

Потом рванулась, закричала дико
На странном языке своем. Сбежались
Рабы, засуетились над владыкой,
Иные же друг к другу молча жались.

...Прошли века. Семнадцать миновало,
Великих и ничтожных. Слишком много,
Чтоб у развалин, посреди обвала,
Шагали их центурионы в ногу.

В ином обличье я причалил к Сплиту,
Неузнанный, вхожу в пустой триклиний,
Где рухнул Диоклетиан на плиты
И замычал, как бык, лилово-синий.

И только в погребях его осталась,
Расползшаяся в медленном истленье,
Та вековая старость и усталость.
Она все та же. Нет ей исцеленья.

Как будто не прошло коротких суток.
Все то же сверху смотрит новолунье,
И бел, как мел, и, как химера, жуток
Лик мертвеца, распухший накануне.

И тошен винный запах. И как будто
За воркованьем реющих голубок
Мне слышен шаг рабыни необутой,
Той, что несла янтарный смертный кубок.

А дальше голубеет соль морская,
Купель Перуна, колыбель Зевеса
Вне времени, и зыбится, сверкая,
Лишенная объемности и веса.

КАК ЭТО НИ ПЕЧАЛЬНО

Как это ни печально, я не знаю
Ни прадеда, ни деда своего.
Меж нами связь нарушена сквозная,
Само собой оборвалось родство.

Зато и внук, и правнук, и праправнук
Растут во мне, пока я сам расту,
И юностью своей по праву равных
Со старшим делятся начистоту.

Внутри меня шумят листвою весенней,
И этот смутный, слитный шум лесной
Сулит мне гибель и сулит спасенье
И воскресенье каждую весной.

Растут и пьют корнями соль и влагу.
А зимние настанут вечера —
Приду я к ним и псом косматым лягу,
Чтобы дремать и греться у костра.

Потом на расстояние необъятном,
Какой бы вихорь дальше их ни гнал,
В четвертом измеренье или в пятом
Они заметят с башни мой сигнал,

Услышат позывные моих бедствий,
Найдут моих погасших звезд лучи,
Как песни, позабывшиеся в детстве,
В коротких снах звучащие в ночи.

* * *

О, как я помню молодость, мгновенье до рассвета —
Кораблик в море времени таинственного цвета,
Когда жилая комната забыла очертанья,
Лишь окна приготовились и розовеют втайне.
О, как я помню молодость, как день ее последний
Напоминает сумрак мой шестидесятилетний.

Не сделано, не кончено, не собрано, не спето —
Кораблик в море времени, предчувствие рассвета!
Не набрано, не сверстано, не скроено, не сшито,
Не считано, не меряно. И нет еще души той,
Которая поймет меня, полкубит иль погубит,
Едва напиток огненный нечаянно пригубит.

Но где ж она скрывается, над чем она смеется,
Зачем не отзывается и в руки не дается?
Что видится, что чудится, какой обещан праздник,
Какая быль не сбудется, какая небыль дразнит?
Иль некуда ей двинуться? Иль некуда деваться?
...Бьет десять. Бьет одиннадцать. Потом пробьет двенадцать.

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Что такое жизнь поэта,
Чем богата, чем бедна,
Чем загадочна она?
Жизнь поэта, та иль эта,
Мной испытана до дна.

Шесть моих десятилетий,
Сон и бденье, лень и труд,
Все они со мной умрут.
Светлячок в ночном балете
Гасит бедный изумруд.

И от летней ночи брачной,
От снованья легких звезд
Остается червь невзрачный
В закромах вороньих гнезд.

Так и мне, огня отдавав,
Остается, видит бог,
Стать добычей стиховедов,
Им попасться на зубок.

Горько? Может быть. Не знаю...
В чьей-то юности чуть свет
Вновь подхвачена сквозная —
Лучшая из эстафет.

Пусть она несется дальше
Без оглядки на часы,
Без раскаянья, без фальши,
В блестках соли и росы.

ЦИРКАЧКА

Все помню про тебя, все знаю,
Встречал в Москве и за Москвой.
Моя любовь живет сквозная,
Как ворон восьмивековой,
И вот она явилась снова
И хмуро смотрит на меня —
Живая из-под навесного,
Косоприцельного огня.

И лихачи на шинах дутых
Кричат отчаянно: «Па-ади!»
А для раздетых и разутых
Одна лишь гибель впереди,
А сонный Ванька с тощей клячей,
Храпящей из последних сил,
Трусит к пропащей и гулящей,
Как сорок лет назад трусил...
И все черней и бесприютней
Гуляет мокрая весна,
И дождь бренчит разбитой лютней,
И люди маются без сна.

Нет, есть ночлег у всякой твари,
Бог и удачу ей пошлет.
Один лишь Гоголь на бульваре
Не спит столетье напролет.
Один Кощей мощну считает
В пустом своем особняке.
Одна лишь ночь бесследно тает,
От гибели на волоске.
И я, глупец, в ту ночь сырую
Не спал, как Гоголь иль Кощей,
Я думал, что тебя ворую
У богачей и лихачей.

А ты, Циркачка, гибла молча,
Ты, как река, в меня текла
И сразу исчезала в толще
Чернильно-черного стекла.
Ты, Катя Корина, Эстрелла
(В афише названная так),
Угрюмо на меня смотрела
И усмехалась: — Ишь чудак!
Студент, небось, или приказчик?
Да кто бы ни был, шут любой,
Я, может быть, сыграю в ящик,
Но не желаю жить с тобой.

Я отвечал: — Напрасно гонишь!
Брось, Катя, выслушай, молю,
Поедем в Нижний иль Воронеж,
Я рожу вымажу в мелу.
И я могу быть акробатом
Тебе под пару и под стать
И на потеху всем ребятам
Всех клоунов пересвистать,
Так, право, как же нам не спеться!
Не помешает нам никто
Лететь друг к другу с двух трапещей
Под рваным тентом шапито
Или в двойном сальто-мортале
Выламываться без труда!

...Мы встретились в глухом квартале
В тот предрассветный час, когда
Любовь похожа на убийство,
А дом, в котором люди спят,
Похож на живопись кубистов
Или на атомный распад,
В тот час, когда все кошки серы,
Все фонари, уже чадая,
Кладут на улицы и скверы
Штриховку черного дождя.
Там, в этих узких коридорах,
У стольких запертых дверей,
О, как он был мне люб и дорог,
Твой шепот: — Где же ты? Скорей!
И на диване, слишком жестком
Для жалкой встречи двух живых,
Перед смутившимся подростком
Была ты — музыка и вихрь.

О вихрь и музыка! Солги мне,
Хотя бы раз один солги
Губами бледными, сухими,
Руками смуглыми, нагими,
Пока за окнами ни зги,
Пока чадит, треща, лампада
Под черным образом в углу,
Пока не рассветает, падай,
Хоть на пол, только бы во мглу!

Пока все ближе и блаженней,
Жизнь торопя и жизнь губя,
Не кончится самосожженье
Твое со мной, внутри тебя.

...Меж тем окраины вселенной
Уже громовый гул потряс.
Перед спартанскою Еленой
Пал, как подкошенный, Парис.
И парус, полный вешней бури,
Умчал обоих в Илион.

...Меж тем в любом полночном баре,
По всей земле, куда ни глянь,
На Пиккадилли, на Арбате,
Под ливнем иль на сквозняке
Ждут ужасающих событий
Бездомные призывники.

...Еще здесь будут, будут войны.
Травой траншеи зарастут.
Наш праздник лиственный и хвойный
Поленницами ляжет тут.
Но бурей будущих зачатий
За гибель юных заплатив,
Жизнь вспоминает, как начать ей,
Чем кончить прерванный мотив.
Он на высокой ноте длится,
Всю ночь, всю вечность длится — вплоть
До комнаты в ночной столице,
Где воплощенья ищет плоть.

...И мы сплелись в немой раскачке,
В той, что не нами начата.
Не ты одна, а все циркачки
С трапеций падают в ничто.

В коротком этом настоящем
И тени будущего нет.
Но, словно грузчики, мы тащим
Все притяжение всех планет.
Мы, как и все мастеровые,
Все работяги-циркачи,
Сегодня встретились первые
И без следа сгорим в ночи.

Да, в эту ночь мы двое только
В отчизне юношеских снов
Обречены погибнуть стойко,
Чтобы рождаться вновь и вновь.

ОРФЕЙ ФРАКИЙСКИЙ

На пустой просцениум он вышел,
Взял кифару — и народ услышал
Безутешный стон Орфея-старца,
Что в родимой Фракии скитался
И в тысячелетях звал все ту же
Эвридику из посмертной стужи:

— По всему гулял я миру,
Плыл, как дым, никем не зрим,
Помню в пламени Пальмиру,
Взятый варварами Рим.
На границе вечной ночи,
У Геракловых Столбов,
Океан слепил мне очи,
Исцеляла их любовь.
Скрипки кавалера Глюка
Пронесли меня сквозь ад.
Возникла тень из люка
И звала меня назад,
И царицей мне казалась,
Шелком мертвенным шурша,
И руками звезд касалась
Эта лживая душа.
Там, у шатких скал картонных,
Среди пляшущих блудниц,
В злых корчмах, в ночных притонах
Перед ней я падал ниц.

Полон гибельной отвагой,
Позабыл ее легко,
Разрывал могилу шпагой,
Хоронил Манон Леско.
Так повсюду, где бы ни был,
Я в самом себе носил
Гибель, гибель, только гибель
Да избыток тщетных сил.
Паруса мои вздувались,
Помогал Зевес-Перун,
Злые молнии сдавались,
Лишь бы я коснулся струн.
Облака, деревья, камни
Кланялись мне по пути.
Ноша тяжкая легка мне,
Но зачем ее нести?

Милая! Зачем же в мирозданье
Нам одним нет места для свиданья,
Нет костра, нет очага, нет крова?..
Вся земля освещена багрово.
Вся жилая часть вселенной в дыме.
Стали мои сверстники седыми,
Разбрелись по кабакам и цедят
Мутный яд, о молодости бредят.
Все младенцы зябнут с колыбели.
Все отцы от горя огрубели.
Корабли недвижно спят на верфи.
В тысячах могил роятся черви.

Только мы с тобой несемся в тучах —
Две звезды бездомных, две падучих,
Два разряда молнии ветвистой,—
Мы несем любовь, а не убийство.

Но опять с тобой мы разминулись
В сутолоке узких этих улиц.
Я искал тебя, а нахожу я
Не тебя, а Собственность Чужую.

И кричу тебе я глоткой хриплой
И ответа жду от немоты:
Милая! Еще не все погибло.
Дай мне знак. Откликнись. Где же ты?

ТО, ЧТО КАЗАЛОСЬ

...Обозначались на короткий миг
Обрывки жизней, главы биографий,
Ложились волны на прибрежный гравий,
Сбивая пену для себя самих.
Казалось, не напрасно нетерпенье.
Казалось, ритм предшествует всему,
Рождает свет и побеждает тьму.
Казалось, там, в морской соленой пене,
Опять, опять, как в давние года,
Не онемев ни в мраморе, ни в глине,
Смеющаяся плещется богиня,
Девическая блещет нагота.
Казалось, начинаются сначала
Богини, боги, битвы, облака.
Мельчайшая молекула белка
Себя для вечности предназначала.
В избытке первозданной доброты
Бесчисленные крохотные жизни,
Шмели и мотыльки, мальки и слизни,
Скворцы и галки, белки и кроты
Рождались, спаривались, исчезали
Между корней и веток. Жизнь неслась,
Влюбленными насыщенная всласть,
Как сумасшедший вальс в нарядной зале.
Двоились пары в зеркалах пустых.
Был знойный полдень в середине лета.
— Поймай, любимый! — Что с тобой, Джульетта? —
Внезапно говор замер и затих.

Последний луч пылал еще на кручах.
Скалистый кряж был прочен и высок.
Но сыпался песок из детских ручек.
Но время шло, и сыпался песок.
Да, время шло, и души погребенных
Смотрели, очевидно, свысока,
Как у реки времен нагой ребенок
Со смехом сыплет золото песка.

Да, время шло!.. И вот средь изобильных,
Всем людям предоставленных щедрот
Несчастный человек включил рубильник.
Зажмурился. Открыл, как рыба, рот.

Его швырнуло наземь. Он затрясся
Забился в щель. Услышал свой же рев.

.

Взрыв грибовидным деревом разросся,
Пять океанов ярче озарив,
Чем пять рассветов.

Жизнь переходила
И в противоположность и в ничто,
Не достигая своего предела,
Не разгадав, откуда начата.

Во все дворцы, обставленные щедро,
Где прерван ток и отработан пар,
Вошли малютки атомные ядра
И довершили поминальный пир.

А там, где воцарился холод лютый,
Где отработан мозг и прерван пульс,
Там для одних Ромео и Джульетты
В рыданиях скрипок не кончался вальс.

Двум циркачам, сорвавшимся с трапечий,
Под звездный купол пущенным пращей,
О, как им не хотелось торопиться,
Разбиться насмерть и сказать «прощай».

Прощай! Как жаль, что нас не пожалели,
Что в полыханье вспыхнувших плащей
Не слышим мы благоуханья лилий!
— Прощай, Мужчина!
— Женщина, прощай!

Всю бесконечность длилась эта гибель,
Законов правды не поколебав,
Вся в пламени, а не пошла на убыль
Вне времени творимая любовь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не жалею, не грущу, моя старость,
Что не слышит тебя моя юность.
Ничего у тебя не осталось,
И ничто для тебя не вернулось.

Не грущу, не жалею, не печалься,
На особый исход не надейся.
Но смотри, под конец не отчайся,
Если мало в трагедии действий.

Ровно пять. Только пять!
У Шекспира
Ради вечности и ради женщин
Человека пронзает рапира,
Но погибший победой увенчан.

Только эта победа осталась.
Только эта надежда вернулась.
В дальний путь снаряжается старость.
Вслед за ней продолжается юность.

СОДЕРЖАНИЕ

Время говорит	3
Действующие лица говорят	4
Исповедь	5
Электрическая стереорама	6
Физик	7
Ньютон	8
В моей комнате	9
Две реплики в споре	10
Пикассо (Баллада времени)	13
Адриатика в тумане	16
Сараево 1914 (Гаврило Принцип)	18
У Диоклетиана	20
Как это ни печально	22
«О, как я помню молодость...»	22
Жизнь поэта	23
Циркачка	24
Орфей Фракийский	27
То, что казалось	29
Заключение	31

Павел Григорьевич Антокольский
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Редактор — **П. КРАВЧЕНКО.**

А 10563. Подписано к печати 19/III 1966 г. Тираж 106 000. Изд. № 580.

Заказ № 322. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. Объем 1,0 физ. печ. л.
1,40 условн. печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ГОССТРАХ
ЗАКЛЮЧАЕТ С ГРАЖДАНАМИ ДОГОВОРЫ
ДОБРОВОЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СТРОЕНИЙ,
ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА
И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖИВОТНЫХ**

Добровольное страхование строений и сельскохозяйственных животных проводится дополнительно к обязательному окладному страхованию. При этом общая

страховая сумма по обязательному окладному и добровольному страхованию может составить до 80% стоимости строений и животных.

● ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО может быть застраховано по добровольному страхованию в размере его стоимости по государственному розничным ценам.

● ПО ДОГОВОРАМ СТРАХОВАНИЯ Госстрах возмещает ущерб в случае гибели или повреждения строений и домашнего имущества от пожара, наводнения и других стихийных бедствий, а по страхованию животных — при гибели их от болезней, несчастных случаев и вынужденного убоя.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе.

— Агента Госстраха можно вызвать на дом или к месту работы.

**ГРАЖДАНЕ, ЗАКЛЮЧАЙТЕ
И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ
ДОГОВОРЫ ДОБРОВОЛЬНОГО
СТРАХОВАНИЯ.**

Главное управление государственного страхования РСФСР.